

ОБЩЕСТВО.СЕВЕР

"Все меняется очень быстро". Вариантов бегства из страны для россиян становится меньше

Светлана Прокопьева

12 октября 2026

Люди и автомобили в очереди на контрольно-пропускной пункт "Верхний Ларс" на российско-грузинской границе, 2022 год

"Эти люди не должны платить своей жизнью за свою уязвимость", – [заявила](#) 5 октября на заседании подкомитета Европарламента по правам человека 19-летняя Анна Виктория Политковская, внучка убитой журналистки Анны Политковской. Она призвала создать общеевропейский механизм экстренной выдачи гуманитарных виз для россиян, которым опасно оставаться на родине из-за репрессий, преследований и насилия.

Спустя два дня [стало известно](#), что 68-летнего россиянина Игоря Одинцова, который переплыл Неман в надежде получить убежище в Литве, но был возвращен пограничниками в Россию, приговорили к шести годам колонии по обвинению в публичных призывах к терроризму. Между тем помогающая бегущим из России

организация "Ковчег" сообщает о резком росте запросов. В целом, по разным оценкам, с начала войны из России уехали и не вернулись около 650 тысяч человек.

Тем временем возможности для легального выезда из России и получения защиты за рубежом сокращаются. С 1 ноября Черногория вводит визы для российских граждан. Эта страна после начала войны стала одним из убежищ для россиян, не согласных с действиями российских властей. Теперь многим приходится снова искать способы легализации или новое место для жизни.

| "Живу временно"

Людмила Исаева, активистка "Яблока" из Псковской области

Четыре года назад 62-летняя активистка партии "Яблоко" Людмила Исаева с 12-летней дочкой и 16-летним сыном бежала из Себежа (город на юго-западе Псковской области России). Бежала в неизвестность с 60 тысячами рублей в кармане. Сейчас неизвестности вроде бы стало меньше: она знает, сколько стоит перевод одной справки, сколько часов можно просидеть у нотариуса, сколько надо зарабатывать на аренду у моря и что бывает, когда заканчивается российский

загранпаспорт. Но Черногория, страна, которая в 2022 году дала ей возможность сначала приехать, а потом спокойно устраиваться, меняет правила.

– Я здесь четыре года, и все эти четыре года все равно живу временно, – говорит Людмила. – Я не чувствую себя здесь дома, потому что дом могут отнять, если перестану за него платить. И с документами то же самое: либо **визаранить** , либо постоянно этот ВНЖ как-то выбивать. Каждый раз справки, переводы, ожидание, куча денег.

Людмила привыкла справляться с разными испытаниями. В России до пенсии работала связисткой в пограничных войсках. Политическая ее биография началась не с партии, а с городского холма. В 2011 году на Замковой горе в центре Себежа – археологическом памятнике, на котором расположен исторический центр города, – местные власти начали земляные работы под установку многометрового железного креста.

– Люди увидели, что старый памятник убрали, а нас никто ни о чем не спрашивает, – рассказывает Людмила. – Мы с мужем и маленькими детьми ездили туда с утра, фотографировали, следили за техникой, собирали подписи. Когда появились бульдозеры, мы буквально стояли перед ними. И тогда же подключили **Льва Шлосберга** . Вот с Замковой горы у нас и завязались отношения с "Яблоком", и больше мы уже не расставались. Потом каждые выборы: газеты, кандидаты, наблюдение, комиссии, объехать весь район.

В 2016 году Людмила уже сама **баллотировалась от "Яблока" в Собрание депутатов Себежского района**. В своем предвыборном тексте она предупреждала, что государство, уже начавшее войну против Украины, однажды отправит туда и их детей: "Война – это для всех".

– А **после Бучи** у меня случился просто психологический кризис, – говорит Людмила. – Я увидела эти хроники и за несколько дней как будто состарилась лет на двадцать. В какой-то момент не могла вдохнуть, будто на грудь положили плиту, вечером меня откачивала скорая. Я поняла, что больше так не могу. Параллельно начинались обыски у знакомых, появлялись дела за слова о войне, а я продолжала писать открыто. И впервые стала всерьез ждать, что придут и ко мне.

Коллаж Людмилы: "Нестройные ряды Зет-патриотов"

Уехать сразу было нельзя: сын заканчивал девятый класс, детям делали новые загранпаспорта. В школе у младшей дочери тем временем появились обязательные разговоры о войне и акции в поддержку российских военных.

– Дочка стала делать записи на телефоне и приносить мне: "Мам, послушай, о чем у нас говорят", – рассказывает Людмила. – А потом класс построили для фотографии с российскими флагами – объясняли, что это вроде бы "за мир". Я уже понимала, что детям тоже придется жить внутри этой системы, если мы останемся.

Боялась она и того, что сына через два года могут призвать в армию. Она не хотела отправлять его на срочную службу и в мирное время, а уж тем более – во время войны.

– Я сама в армии служила, и видела много издевательств над солдатами как со стороны офицеров и прапорщиков, так и между солдатами старого и нового призывов, случались побег и суициды срочников... Это в самом миролюбивом когда-то роде войск, пограничники считались элитой! У меня нет иллюзий насчет условий службы в российской армии, – говорит она. – Я увозила Павла из страны в 16 лет, после окончания 9-го класса. Военкомат начал дергать ребят еще с 8 класса –

проверяли готовность к службе по здоровью, определяли в возможные рода войск. Павел, как парень спортивный, был годен в спецназ, ну, в общем, ко всем видам службы.

26 июля она собрала детей и уложила чемоданы:

– Мы не знали, куда едем: взяли вещи и летние, и зимние, потому что даже не понимали, в какой стране окажемся. Сначала поехали к моим родственникам в Беларусь, потом в Казахстан, а потом в Черногорию.

С переездом помогла организация "Пристаниште".

"Пристаниште" появилось **5 марта 2022 года** – его создали волонтеры из Черногории, Украины и России. Первый проект был буквально пристанью: человеку, бежавшему от войны, давали хотя бы две недели жилья, чтобы остановиться и решить, куда двигаться дальше. Позже появились помощь с легализацией, программы для детей и другие направления. По данным самого фонда, за четыре года его помощью воспользовались более трех тысяч человек.

Людмила в Черногории

– 19 августа мы прилетели в Подгорицу, потом добрались до Будвы, – вспоминает Людмила. – Нас встретил координатор "Пристаништа", поселили. И я с первого дня ощутила покой. Море, тишина, теплый воздух – какое-то марсианское спокойствие. В Себеже последние месяцы я ни одной ночи нормально не спала: вскакивала каждые полчаса, меня тошнило от тревоги, если видела полицейскую машину на дороге. А здесь я вдруг стала спать.

Через две недели семья должна была съехать из бесплатного жилья. Людмила нашла квартиру в Бечичах, в нескольких километрах от центра Будвы, за 400 евро в месяц. Дальше началась обычная эмиграционная арифметика: аренда, школа, транспорт,

переводы документов, страховка – и работа везде, где готовы были платить.

– Первый год я бралась вообще за все, – говорит Людмила. – Убирала гостиничные квартиры, работала в детском саду, мыла посуду в ресторане, приводила в порядок

сады, нянчила детей, выгуливала собак. Иногда было четыре работы одновременно.

При этом она успела устроить в Черногории выставку собственных коллажей и инсталляций, участвовала в акциях против войны и в поддержку Украины.

Одновременно привыкали дети. Сын поступил в профессиональный колледж по направлению ресторанного дела. Дочь пошла в местную школу.

– Сейчас они хорошо говорят по-черногорски, а я хуже – мне некогда было учить, я все время работала. И вот тогда я уже говорила: я отсюда никуда не уеду, я здесь сердце утопила в Адриатическом море.

Но именно в это время страна начала последовательно приводить миграционные правила к стандартам ЕС. И к новым правилам семье, считает Людмила, уже не приспособиться. Продлить вид на жительство в Черногории она не сможет: нет дохода, необходимого для продления разрешения на проживание. Поэтому теперь она пытается получить гуманитарную визу во Францию.

– Я первые годы могла тянуть три-четыре работы, а сейчас уже физически не могу. Сейчас я зарабатываю 600 евро, убираю примерно 400 квадратных метров. Если бы сын не работал, этих денег нам бы не хватило. В прошлом году я два месяца вообще не могла работать, он нас кормил. Мне еще муж, который решил остаться в России, помогает, когда может. А чтобы просто жить вдвоем, платить квартиру, еду, документы, здесь нужно гораздо больше. Поэтому я сейчас подалась на французскую гуманитарную визу. Но боюсь, что самостоятельно снова переехать куда-то с двумя детьми и начинать все с нуля я уже просто не потяну.

Courtesy Photo

Черногория

До 31 октября россияне могут въезжать в Черногорию без визы и находиться там до 30 дней. С 1 ноября для въезда потребуется виза. Подать документы можно через визовые центры VFS Global, которые уже работают в восьми российских городах, в том числе Москве, Екатеринбурге и Пскове. Исключение предусмотрено для обладателей действующих шенгенских виз, виз США, Великобритании и Ирландии, а также видов на жительство этих стран – они смогут въезжать в Черногорию на срок до 30 дней. Действующие черногорские ВНЖ введение виз само по себе не отменяет. Однако привычная практика визаранов – кратковременных поездок в соседние страны для обновления срока безвизового пребывания – перестанет работать. В опубликованных разъяснениях черногорских властей пока не уточняется, какой порядок будет действовать для россиян, въехавших до 1 ноября и остающихся в стране без ВНЖ.

С ВНЖ ситуация отдельная. Действующий закон об иностранцах сохраняет несколько оснований для временного проживания: работу, воссоединение семьи, учебу, недвижимость, гуманитарные причины и другие случаи; отдельно предусмотрен статус цифрового кочевника. Для каждого типа ВНЖ свои условия – нужно подтвердить средства к существованию, жилье, медицинскую страховку, действующий паспорт и само основание для проживания. Для работы

дополнительно требуются документы от работодателя, а для ряда случаев – подтверждение квалификации и состояния здоровья. С января 2026 года для россиян и других граждан стран вне ЕС действуют и более конкретные ограничения: получить ВНЖ на основании владения недвижимостью могут иностранцы, которым принадлежит не менее половины объекта с налоговой стоимостью от 150 тысяч евро (на тех, кто получил такой ВНЖ до вступления новых правил в силу, это требование при продлении разрешения не распространяется). Для предпринимателей и исполнительных директоров компаний, которые полностью им принадлежат или в которых их доля превышает 51%, введено требование подтверждать уплату не менее 5000 евро налогов и взносов за год при продлении разрешения на проживание и работу. Полноценное применение этого правила, согласно мартовским разъяснениям МВД Черногории, предусмотрено с 2027 года. В ноябре 2025 года правительство предлагало более жесткие параметры – 200 тысяч евро для недвижимости и трех работников для владельцев компаний, – но в действующий закон эти условия вошли в другой форме. 1 сентября 2026 года правительство одобрило еще один проект поправок, на момент публикации он остается законопроектом.

– Для наших подопечных основные варианты всегда были довольно понятными: устроиться на работу и получить разрешение на временное проживание и работу; открыть свою компанию и оформляться как ее владелец или директор; воссоединиться с членом семьи, у которого уже есть статус, – говорит **Яна Зубцова**, пиар-менеджер "Пристаништа", черногорской НКО, которая с 2022 года принимает в Черногории беженцев из Украины и вынужденных переселенцев из России. – Был и ВНЖ по недвижимости, но для наших благополучателей это редко было реальным вариантом. Сами основания сейчас не исчезли. Главная перемена, которая уже принята, – введение визового режима.

Россияне – не маленькое сообщество, которое Черногория может не заметить. В феврале 2025 года правительство страны называло их крупнейшей группой иностранных резидентов: 18 427 граждан России имели урегулированный статус проживания. Тогда же власти прямо признавали экономическую цену будущего отказа от безвизового режима и говорили о необходимости "плавного перехода". Теперь обязательства перед Евросоюзом перевесили: визовый режим приводят в соответствие с правилами ЕС.

|"Только не запрашивай убежище"

Владислав Анцибор приехал в Черногорию в сентябре 2023 года. В отличие от Людмилы Исаевой, он решил добиваться легализации через процедуру получения политического убежища. До 2020 года он был протоиереем РПЦ, настоятелем петербургского храма Николая Чудотворца на Коломяжском проспекте. После

примерно 25 лет церковной службы он публично заявил, что его мировоззрение изменилось и он больше не считает честным продолжать служение.

Владислав Анцибор, бывший протоиерей РПЦ

– После ухода из РПЦ я довольно громко объяснял, почему ушел и что вообще происходит с церковью, – рассказывает Анцибор. – Когда началась война, я уже понимал, что мне лучше уезжать: и ради собственной безопасности, и чтобы можно было дальше действовать. В марте 2022-го я уехал через Армению в Тбилиси, потом перебрался в Турцию, волонтерил в "Ковчеге", получил ВНЖ. А когда в Турции начались проблемы с продлением, в сентябре 2023 года приехал в Черногорию.

Первые месяцы он тоже жил на визаранах, но в декабре 2023 года решил попросить международную защиту. Перед этим, говорит Анцибор, проконсультировался с юристами черногорского Гражданского альянса.

– Меня очень долго отговаривали, – рассказывает Анцибор. – Говорили: вам не надо, у вас же безвиз, живите так, визараньте. Даже прозвучало, что, может быть, помогут с работой – только не запрашивайте убежище. Я несколько часов сидел и настаивал, что заявление обязаны принять. Потом пришел полицейский, очень хорошо говорил по-русски, и стал говорить: "Вы понимаете, Россия узнает, что вы запросили убежище, у вас будут проблемы". Я спрашиваю: какие проблемы? Он говорит: "Вас в диссиденты запишут". Я ответил: загуглите мое имя и фамилию – с этим уже поздно.

Сама процедура, которой следуют черногорские власти, соответствует инструкции Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев: сначала человек заявляет о намерении просить убежище в полиции, на границе или в приемном центре, сдает биометрию и получает подтверждение. Затем в течение 15 дней должен подать полноценное заявление в Управление по вопросам убежища в Подгорице. Бесплатную юридическую помощь в этой процедуре оказывает партнер UNHCR – Гражданский альянс.

– Документы у меня в итоге приняли, откатали пальцы, дали бумагу, – говорит Анцибор. – Потом я поехал в Подгорицу и уже там оформил заявление полностью. С января поселился в центре в Спуже. Там не обязательно жить: если есть деньги,

можно снять квартиру самостоятельно. Я выбрал лагерь, потому что хотел пройти эту процедуру как положено и посмотреть, чем она закончится.

Беженский лагерь. Поселение Спуж. Черногория

В Черногории действительно работают два государственных приемных центра – в Спуже и Божае, проситель может жить там или оплачивать жилье самостоятельно. В лагере есть питание, базовая медицинская помощь и бесплатная юридическая помощь. [Еврокомиссия пишет](#), что в 2024 году через два центра прошли 1745 человек при общей вместимости 164 места, а текущие расходы центров покрывал государственный бюджет Черногории. Международные организации участвуют в юридической поддержке, мониторинге и программах добровольного возвращения.

– Бытовые условия там, честно говоря, не главная проблема, – говорит Анцибор. – Люди жаловались на еду, на какие-то вещи, но в целом терпимо: кормят, обычно по три-четыре человека в комнате, с голоду не умрешь. Самое тяжелое другое. Когда только приезжаешь, думаешь: страна стремится в Евросоюз, безопасная, значит, кейсы будут рассматривать по существу. А потом начинаешь общаться: один знакомый получил отказ, потом апелляцию и окончательный отказ, другие тоже получили отказ. И постепенно понимаешь, что тебе самому это тоже, скорее всего, не светит.

Статистика действительно выглядит жестко. В 2022 году граждане России подали в Черногории 72 заявления об убежище, в 2023-м – 78, в 2024-м – 54. Во все три года россияне были крупнейшей группой заявителей. Общий [процент положительных](#)

решений в стране составлял 5% в 2022 году, 10% в 2023-м и 18% в 2024-м. Средний показатель по ЕС в те же годы был около 49-53%.

Отдельное расследование черногорского Центра исследовательской журналистики показывает, насколько трудно получить защиту даже людям из очевидно уязвимых групп. С 2022 по 2025 год в стране было подано 27 заявлений, где сексуальная ориентация или гендерная идентичность были ключевым основанием, одобрены только два – оба гражданам России. Пятнадцать заявлений были отклонены, восемь производств прекращены, еще два дела на момент публикации оставались в работе.

– Фактически все мои товарищи, с которыми я находился в лагере и с которыми подружился, ушли дальше – нелегально пересекли границу и уже в Евросоюзе просили убежище, – говорит Владислав Анцибор. – У меня был принцип: я не хотел делать ничего незаконного. Да и жить на нелегальном положении в Черногории крайне сложно. Маленькая страна, маленькие города, фактически как деревни, все на виду. Если в большой Сербии еще можно где-то затеряться, то здесь, даже если ты подрабатываешь в каком-нибудь гараже, оказываешься на виду и у людей, и у полиции. Спрятаться, уйти в затвор – разве что жить в шалаше. Это не вариант.

Владислав Анцибор на антивоенной акции в Будве, Черногория

Для многих эмигрантов Черногория остается транзитной страной на западнобалканском маршруте. Международная организация по миграции в 2026 году продолжает мониторить людей, проходящих через Черногорию, в приемном центре Божай и в ключевых точках въезда и выезда.

– Я в какой-то момент остался почти один из своей компании, – продолжает Анцибор. – Люди уходили через границы, а мне мысль лезть через колючую проволоку, под дронами, через какие-то речки казалась дикой. Я временно выехал легально работать в Индонезию, потом вернулся в Черногорию и почти год опять жил визаранщиком: каждый месяц Босния или Сербия. Все это время я ждал возможности получить гуманитарную визу в Европу.

Сначала Анцибор рассчитывал на Германию. После 2022 года там действовал механизм приема особо уязвимых правозащитников, журналистов и других людей, подвергавшихся политическому риску: по данным Бундестага, к 31 июля 2025 года 1790 граждан России получили ВНЖ по §22 Satz 2. Но новое германское правительство в 2025 году практически заморозило новые приемы по этому каналу, оставив возможность лишь для отдельных срочных случаев.

– У меня уже подгорало: до конца российского паспорта оставалось примерно полгода, – говорит Анцибор. – С Германией до этого пытались работать, но программа встала. Тогда товарищи сказали: давай попробуем Францию. Мне довольно быстро согласовали гуманитарную визу, я прилетел легально, попросил убежище и очень быстро получил защиту. Сейчас живу в Бордо, у меня десятилетняя карта ВНЖ.

| Вместо дорог – тупики

Осенью 2022 года главное преимущество соседних и безвизовых стран было не в гарантиях защиты, а в скорости выезда. После объявления частичной мобилизации можно было пересечь ближайшую границу, переждать первые недели и уже потом искать работу, ВНЖ, новую страну. По оценке Организации экономического сотрудничества и развития, к концу 2022 года около 100 тысяч россиян и белорусов переселились в Грузию и около 55 тысяч – в Армению.

Не все эти двери закрылись. Граждане России и сегодня могут находиться в Грузии без визы полный год, в Армении для граждан стран с безвизовым режимом действует срок до 180 дней в течение года, а Сербия оставляет россиянам 30 дней без визы за один въезд. Поэтому сказать, что из России теперь "некуда бежать", было бы неправильно.

Но многие схемы, которыми пользовались в 2022-м, стали неудобнее и дороже. Казахстан с января 2023 года ограничил пребывание граждан ЕАЭС 90 днями в каждом 180-дневном периоде – постоянный выезд и немедленное возвращение перестали обнулять срок. В Турции въезд для россиян по-прежнему относительно прост, но число граждан России с ВНЖ сократилось со 154 тысяч примерно до 96

Морское побережье в Черногории

тысяч уже к 2024 году: Reuters связывал это с трудностями продления, ростом стоимости жизни и банковскими ограничениями.

В Европейском союзе пространство для экстренного въезда сузилось еще быстрее. Страны Балтии и Польша ограничили въезд российских граждан по туристическим визам еще в 2022 году. Латвия сейчас принимает заявления россиян на визы лишь в нескольких категориях, включая гуманитарные обстоятельства и угрозу безопасности или жизни, и каждый такой случай рассматривается отдельно. Это уже не тот широкий чрезвычайный канал, который был весной 2022 года: тогда Агентство ЕС по основным правам отмечало, что Латвия

выдала более 250 долгосрочных виз независимым российским журналистам и сотрудникам медиа.

Франция сотрудничает с российскими правозащитными организациями, в частности, с Институтом Андрея Сахарова, который основал Лев Пономарев – именно так туда попал Анцибор и на такой же вариант сейчас рассчитывает Исаева. inTransit продолжает помогать людям под политическим риском подаваться на гуманитарные визы ЕС.

Инфраструктура помощи, выросшая весной 2022-го, при этом не исчезла. "Пристаниште" продолжает работать в Черногории и за это время через организацию прошли более 700 россиян. "Ковчег" сообщает, что за четыре года через его экстренное жилье прошли более 4700 человек, а сейчас шелтеры работают в Армении, Грузии, Сербии и Турции. inTransit специализируется на людях под политическим риском, в том числе на отказавшихся воевать и принудительно мобилизованных, и сообщает более чем о тысяче полученных с его помощью гуманитарных виз ЕС. Волонтерская организация может найти юриста, временную кровать или помочь собрать документы – но пропустить через границу может только государство.

За четыре года изменился и поток обращений в "Пристаниште". По словам Яны Зубцовой, особенно много антивоенных россиян приезжало в 2022–2023 годы. Тогда фонд просил подтвердить, что причина отъезда связана не просто с желанием переехать, а с деятельным несогласием с происходящим в России. Сегодня фонд в первую очередь помогает россиянам, которым угрожает

преследование из-за политической позиции или принадлежности к дискриминируемым группам, а также тем, против кого уже возбуждены административные или уголовные дела.

– Сейчас россияне – уже единичные случаи, – говорит Зубцова. – Мы по-прежнему можем предоставить двухнедельное проживание и консультации по легализации, но именно людям, которых сейчас преследуют за их позицию. Мы часто работаем вместе с другими правозащитными организациями: они верифицируют, что человек действительно преследуемый, а мы подтверждаем, что можем принять его здесь. Но въехать в страну он должен легально и соблюдать все правила пребывания здесь. Мы черногорская НКО и работаем в правовом поле Черногории.

Основной программой фонда тем временем стала "Поспать в тишине" – краткая передышка в Черногории для украинских детей и матерей с детьми, которые живут в районах войны и не планируют окончательно уезжать из Украины.

Что произойдет после 1 ноября с россиянами, которые въехали в Черногорию по безвизовому режиму и не имеют ВНЖ, пока неясно.

– Пока мы не видели официальной информации о том, как это будет происходить, если человек уже находится внутри страны и въехал легально, – говорит Зубцова. – Слухов очень много, мы им не доверяем.

В 2022 году главным было успеть выехать. В 2026-м этого уже недостаточно: нужно заранее понимать, куда ехать, на каком основании оставаться и как легализоваться.

– Самое главное – если есть возможность сделать российские документы, паспорта, и если паспорт заканчивается через два-три-четыре года, нужно постараться получить новый десятилетний. Особенно если человек еще находится в России. Надо максимально оттянуть момент, когда у тебя закончатся документы, потому что оказаться без документов – самое страшное. И постоянно надо смотреть, что происходит: все меняется очень быстро. Часто мы совершаем какие-то действия, опираясь на информацию, которая уже устарела. Поэтому первое – постараться иметь документы на максимальный срок, – говорит Владислав Анцибор.

Светлана Прокопьева

Псковский журналист, редактор и автор регионального сайта Радио Свобода Север.Реалии

Регионы

Общество.Север